

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.14>

Садокова Анастасия Рюриковна

МИФОЛОГО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯПОНСКИХ БОГАХ - ХРАНИТЕЛЯХ ВОРОТ

В статье рассматриваются мифологические рассказы и легенды, связанные с культом японских богов - хранителей ворот, которые призваны оградить дом или храм от проникновения злых духов. Указывается, что большинство повествований такого рода связано с образами каменных изваяний "собакольвов"-комаину, которые представляют собой материализацию богов - хранителей ворот. Отмечается устойчивое следование традиции в современных формах почитания этих божеств, а также бытование данных историй в храмовом и локальном фольклоре. Обращается внимание на разнообразие функций богов - хранителей ворот в облике комаину, что позволяет говорить о древних и устойчивых фольклорно-мифологических связях этих богов с охранительной и продуцирующей магией, характерной для богов японского синтоистского пантеона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 279-283. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-343

Дата поступления рукописи: 20.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.14>

В статье рассматриваются мифологические рассказы и легенды, связанные с культом японских богов – хранителей ворот, которые призваны оградить дом или храм от проникновения злых духов. Указывается, что большинство повествований такого рода связано с образами каменных изваяний «собакольвов»-комаину, которые представляют собой материализацию богов – хранителей ворот. Отмечается устойчивое следование традиции в современных формах почитания этих божеств, а также бытование данных историй в храмовом и локальном фольклоре. Обращается внимание на разнообразие функций богов – хранителей ворот в облике комаину, что позволяет говорить о древних и устойчивых фольклорно-мифологических связях этих богов с охранительной и продуцирующей магией, характерной для богов японского синтоистского пантеона.

Ключевые слова и фразы: народная культура; народный синтоизм; фольклорно-мифологические представления; бог – хранитель ворот; «собакольвы»-комаину; культ волка; мифологический герой Ямато-такэру.

Садокова Анастасия Рюриковна, д. филол. н., профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
sadokova@list.ru

МИФОЛОГО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯПОНСКИХ БОГАХ – ХРАНИТЕЛЯХ ВОРОТ

Среди огромного количества богов, которыми, как считает японская национальная религия *синто*, населен мир, важное место занимают боги – покровители дома. По поверьям, они обитают в самых значимых его частях – в жаровне на кухне, в комнате, где собирается семья, в коридоре и в прихожей, а также в колодце или близлежащем источнике воды. Боги дома также пребывают во всех пустых или темных помещениях дома. Они выполняют охранительную функцию и потому зачастую «перезажают» с хозяевами в новое жилье.

Каждый из этих богов, привязанный к конкретному помещению в доме, всегда был почитаем японцами, но все-таки особое значение истари придавалось богам, которые охраняли вход в дом. Их называли *кадогами* (букв. «боги ворот»). Считалось, что их много (правда, непонятно – сколько) и все они выполняют две основные функции – приглашают в дом добрых богов и не пускают духов, приносящих несчастья и болезни. Здесь важно отметить, что согласно синтоистским представлениям, и боги счастья, и боги несчастья являются богами-ками, потому имеют «равные права» во всем. Как заметил японский исследователь народной культуры Тобэ Тамио, «в Японии в древности полагали, что боги входят в дом через ворота. Боги ли это счастья, злые ли духи, разницы не было – они просто все проходили через то, что люди считали воротами» [4, с. 239]. Понятно, что боги – хранители ворот в таком случае просто вынуждены были выполнять обе функции.

При этом, как и в случае со всеми остальными синтоистскими богами, их облик был совершенно неясен. Известно, что в качестве «заместителя» бога могли выступать, например, новогодние украшения ворот *кадомацу* (букв. «сосна у входа»), состоящие из сосновых веток и стеблей бамбука, которые были призваны оградить дом от скверны в самый важный для человека период – время «вхождения» в новый год.

Наиболее же яркой и практически единственной устойчивой «материализацией» облика богов – хранителей ворот со временем стали считаться каменные изваяния, которые также со временем были установлены при входе в синтоистский храм, понимаемом как дом, и где их можно увидеть и сегодня. Это «собакольвы»-комаину, неперенные стражи ворот, защитники добра и спокойствия. Каменные изваяния удивительных, почти фантастических животных сидят по обе стороны от входа на храмовую территорию в каждом из многочисленных храмов Японии.

Их «лица» поражают своим разнообразием. Несмотря на то, что, если исходить из названия этих животных, они должны напоминать некую смесь собаки и льва, *комаину* бывают похожи и на дракона, и на птицу, и на лягушку, а могут даже иметь почти человеческие лица. Некоторые из них как бы мохнаты, другие – с совершенно гладкой шерстью. Отличаются и хвосты: от пушистых с причудливыми завитками разной формы и горделиво поднятых вверх до длинных, гладких, похожих на обезьяны. Интересны и позы этих фантастических животных. В основном они просто сидят, но есть немало изваяний *комаину*, которые лежат, спускаются по отвесной скале или деревьям, готовятся к прыжку или будто прячутся в засаде, поджидая добычу.

Обычно стражи-комаину располагаются на постаменте слева и справа от входа и практически всегда имеют устрашающий вид. При этом у одного из них пасть открыта, а у другого закрыта. Это не случайность, а глубокая философская мысль. Тот, который сидит с открытой пастью, будто читает первый знак японской азбуки – «а», а тот, который сидит с закрытой пастью, будто читает последний знак азбуки – «ун», произносимый просто как короткое «н». То есть между ними как бы расположилась вся японская азбука, от начала и до конца, своего рода «от А до Я». А значит, весь мир, все мироздание, единение двух противоположных начал.

Однако такое понимание образа *комаину* делает их достоянием исключительно японской культуры – только в Японии эти каменные изваяния сидят один с открытым, а другой – с закрытым ртом. Хотя, конечно, следует признать, что у этих стражей есть и дальние, и более близкие «родственники». Так, японский

исследователь Такуки Ёсимицу проводит мысль о том, что предками *комаину* могут считаться египетские сфинксы, которые, проникнув в Китай по Шелковому пути, трансформировались в фантастических львов *сиси*, нередко больше напоминающих драконов [3, с. 18]. Китайские львы, изображаемые в основном с открытыми ртами, в свою очередь, оказали большое влияние на японскую культуру. В Японию проник не только сам фантастический образ этих животных – японцы, как и китайцы не видели никогда до этого настоящего льва, – но и представление о том, что лев, будучи царем зверей, способен отогнать скверну, а главное – защитить императорский дом.

Именно поэтому, когда в Японии в эпоху Нара (VIII в.) или в начале эпохи Хэйан (IX–XII вв.) стали появляться *комаину*, они считались, прежде всего, сакральными животными, стражами императорского дворца, защитниками трона. Хотя их нередко использовали и в качестве утяжелителей для ширм и бамбуковых штор.

В Японии произошло и некое переосмысление имени этих стражей. Если в Китае это однозначно были львы, то в Японии процесс подбора имени происходил постепенно. В первой половине XII в. был написан трактат «Руйдзюдзоёсё», состоящий из четырех свитков. В этом трактате были помещены правила поведения чиновников во время церемоний в императорском дворце, а также достаточно подробно описаны предметы быта, убранство дворца, одеяния придворных. Сохранилось и такое важное в свете нашей проблематики описание: «Слева, обращенный направо – лев, цвет желтый (золотой), рот открыт. Справа, обращенный налево – *комаину*, цвет белый (серебряный) рот закрыт, есть рожки» [Цит. по: Там же]. То есть одна из статуй понималась как китайский лев, а другая – как некое фантастическое животное, смесь собаки и льва.

Здесь следует отметить, что с течением времени это разделение не исчезло. Китайский лев *сиси* и в современной Японии остается самостоятельным благожелательным символом, к которому относятся с большим почтением, особенно в дни новогодних праздников, когда все непременно хотят увидеть танец льва – *сисимаи*, чтобы заручиться расположением богов в наступающем году. А за стражами ворот, обозначающих территорию синтоистского храма, закрепилось название *комаину*.

Очевидно, что *комаину* представляют большой интерес с точки зрения развития каменной храмовой скульптуры в Японии, а также истории синтоистских храмов. Но такое же значение приобретают японские народные легенды, в которых *комаину* оказываются главными персонажами. Нельзя сказать, что эти легенды получили чрезвычайно широкое распространение и сложены обо всех известных каменных изваяниях, но даже те тексты, которые доступны, четко отражают народные представления о них как о богах – хранителях входа, ворот. Очевидно и другое. Именно народные рассказы закрепили за богами ворот не только функции стражей и защитников, но и шире – функцию чудесного дарителя, который по своему усмотрению может одаривать и наказывать.

Именно поэтому в части народных историй каменные изваяния представляли в образе чудесных дарителей-судей, которые с легкостью могли обогатить добрых и трудолюбивых героев и наказать злых и жадных. Бытовали народные рассказы о том, что каменные изваяния *комаину* даровали богатство – этим нередко пытались объяснить, в том числе, и почему у одного изваяния всегда открытая пасть: из нее в случае необходимости могут начать сыпаться золотые монеты. Истории такого рода не отличались особой оригинальностью, поскольку на месте каменных *комаину* могли оказаться многие другие персонажи, понимаемые в фольклоре японцев как источник божественной силы и высшей справедливости. Но нельзя не отметить, что, судя по этим народным повествованиям, *комаину*, понимаемые как важные божества дома, входили в число самых почитаемых чудесных дарителей.

Типичная история такого рода бытовала в преф. Хиросима. В ней рассказывалось о двух братьях, ухаживающих за своей престарелой матушкой. Братья жили в большой нужде. И вот однажды младшему брату приснился странный сон, в котором божество сказало ему придти ночью в храм с большой корзиной. Младший брат так и поступил, но в храме никого не было. Однако спустя время он услышал громкий голос, который просил его подойти поближе. Испугавшись, младший брат стал озираться вокруг и понял, что говорить с ним мог только каменный *комаину*. Так оно и было. Каменное изваяние попросило младшего брата погладить его по голове. Но едва младший брат это сделал, из открытой пасти *комаину* выпала золотая монетка. *Комаину* попросил гладить его до тех пор, пока корзинка не наполнится деньгами. Поблагодарив каменное изваяние, младший брат вернулся домой. Семья разбогатела, но старшему брату стало казаться, что младший принес мало денег. И он сам отправился к каменному изваянию и тоже начал гладить *комаину* по голове. Деньги снова посыпались из пасти, но старший брат все продолжал и продолжал гладить каменную статую, требуя все больше и больше денег. Когда четыре корзины наполнились до самого верха, монеты прекратили падать. Старший брат недовольно заглянул в открытую пасть *комаину* и увидел там большой золотой слиток. Желая получить еще и слиток, он засунул руку в пасть, но она вдруг сомкнулась, и он никак не мог освободить свою руку. Так он стоял, глядя на корзины с золотом, пока не окаменел [1, с. 364].

И все же главной функцией каменных изваяний *комаину* в народном сознании считались их способность и желание защитить людей от невзгод, не пустить злых духов в дом/храм, то есть функция стража и защитника. Именно поэтому большинство храмовых легенд повествует о том, как ожившее каменное изваяние вступило в бой со злыми духами, которые в большинстве случаев принимали облик волка. Наиболее показательным народным рассказом такого рода может считаться легенда г. Канадзава в преф. Исикава. Она известна как «*Комаину*, изгнавшие волков». События этой легенды связаны с ныне уже не существующим буддийским храмом Дэндодзи и небольшим синтоистским храмом Микава-дзиндзя, который и сохраняет «подтверждения» этой удивительной истории.

Рассказывается о том, что в храм Дэндодзи прибежали местные жители, спасая от волка девушку. Волк накинулся на нее, но местным жителям удалось ее отбить. Они привели девушку в храм, но сами, боясь волка, уже не смогли из него выйти. Настоятель приказал плотно закрыть ворота храма. Но вскоре вместо одного волка к храму прибежала целая стая, которая пыталась проникнуть вовнутрь. Люди не знали, что делать и где спрятаться. Однако в какой-то момент они поняли, что снаружи идет настоящий бой, слышался не только волчий вой, но и лай собак. Когда все стихло, настоятель осмелился выйти из храма. Его удивлению не было предела: волки убежали прочь, а у каменных статуй *комаину* изо рта сочилась кровь, а сами они были все исцарапаны. Люди от всего сердца поблагодарили *комаину* за спасение, вытерли кровь, омыли статуи и стали почитать их как богов. Считается, что эти изваяния долго хранились в буддийском храме Дэндодзи, а потом были перенесены в синтоистский храм Микава-дзиндзя, где хранятся до сих пор и считаются храмовым сокровищем [Там же, с. 363].

Однако синтоистский храм Микава-дзиндзя является не только местом хранения удивительных изваяний. Около храма установлен один непарный *комаину*, и о нем также бытовала известная в тех краях легенда. В основе ее сюжета тоже лежит история о нападении волков, только на этот раз – на ребенка, который играл около храма. За него вступился каменный *комаину*, обративший волка в бегство. Считается, что каменное изваяние, которое и сегодня стоит на территории этого небольшого храма, и есть тот самый отважный *комаину* [Там же, с. 364].

В народных храмовых легендах функция защитников у *комаину* могла реализовываться не только в рассказах об их непосредственном бое с волками. Уже само наличие в храме этих каменных изваяний считалось гарантией защиты от волков, то есть от всех злых духов, какой бы облик они не принимали. В этом смысле показательна легенда храма Амаги-дзиндзя, который находится в центральной части полуострова Идзу, известного своими горячими источниками. Именно поэтому в этих краях бытовало большое количество легенд и преданий о пребывании там великого буддийского монаха Кобо-дайси (Кукая), который, как считалось, ударом своего посоха и создал большую часть этих источников.

Легенда о *комаину*, бытовавшая на полуострове Идзу, также повествовала о чуде, совершенном великим Кобо-дайси. Рассказывалось о том, что в окрестностях источников Югасима появлялось много волков, и местные жители старались лишней раз не выходить на улицу. К тому же по вечерам со стороны горы Амаги доносился страшный волчий вой.

Однажды в тех краях появился странствующий монах, у которого болело плечо. Он несколько раз окунулся в горячий источник, и плечо перестало болеть. Обрадовавшись, монах достал со дна источника два камня и вырезал из них двух собаколовов-*комаину*. Вырезал, оставил и ушел. Утром местные жители обнаружили, что у обоих *комаину* головы повернуты в одну сторону, а не в разные, как положено. Все стали смеяться над незнакомым путником и поговаривать, что странник ошибся, ему стало стыдно, потому он и сбежал. Однако уже вечером все поняли, что со стороны горы Амаги, куда и был обращен взор *комаину*, больше не раздается волчий вой. Тогда все поняли, что к ним приходил не обычный монах, а сам Кобо-дайси, и стали почитать вырезанных им *комаину* как защитников своей земли [Там же, с. 365]. Здесь следует отметить, что изваяния, «смотрящие» в одну сторону, встречались и в других районах Японии. Там также считалось, что взгляд каменных *комаину* устремлен туда, откуда могла исходить потенциальная опасность [3, с. 18].

Однако было бы неправильно считать, что «отношения» между каменными изваяниями *комаину* и волками были исключительно негативными. Нельзя забывать, что в японской народной культуре и народной мифологии существовал культ волка как одной из ипостасей Бога горы, хранителя местности и, что важно в свете нашей проблематики, входа на «свою» территорию. Обожествлению волка в большой степени способствовало само слово «волк», которое по-японски звучит как «ооками» и омонимично словосочетанию «Великое божество». Народная культура и фольклор Японии даже культивировали представления об особой значимости волков, которые, в свою очередь, в народной мифологии запросто «трансформировались» в собак. Происходил и обратный процесс. В честь таких божественных волков-собак храмы изготавливали *комаину*, которые, в зависимости от храма, больше напоминали или волка, или собаку. Так что *комаину*, которые вовсе не «собаколовы», а «собаководки», встречаются в Японии довольно часто.

Понятно, что каждое такое «нестандартное» изваяние требовало пояснения. И, как правило, руководствуясь законами бытования несказочной прозы, а именно, «ссылкой на авторитет», повествование обращалось к событиям, связанным с известными мифологическими героями. Именно поэтому большинство текстов такого рода рассказывает о деяниях самого знаменитого японского мифологического богатыря и героя Ямато-такэру.

Как известно, рассказ о его «жизни» и подвигах был зафиксирован еще в первых письменных памятниках Японии VIII в. Однако не меньший набор удивительных историй о нем сохранился и в произведениях японского фольклора. Можно даже сказать, что «география» этих произведений почти не уступает «географии» историй о чудесах и деяниях уже упомянутого великого монаха Кобо-дайси. То есть практически во всех уголках Японии можно встретить легенды и предания, в которых повествуется о пребывании здесь этих персонажей. Им приписываются дела и чудеса самого разного рода. Среди легенд о Кобо-дайси преобладают истории о создании им горячего источника, озера или реки. С именем Ямато-такэру связано в Японии происхождение большого числа синтоистских храмов, которые, согласно народной мифологии, он основал в силу тех или иных причин.

Нередко такой причиной оказывалась встреча Ямато-такэру с волком, который спас богатыря. В этом смысле показательна одна из страниц истории синтоистского храма Мусаси митакэ-дзиндзя, формально

расположенного на территории Токио, хотя реально он находится в достаточно отдаленной горной лесной местности. Речь идет о части национального горного парка Титибу-Окутама, в состав которого входят гора Митакэ (929 м) и ее окрестности. Открытая еще в 736 году, она всегда почиталась как святая. И со временем даже сформировалось такое понятие, как *митакэ синко* (культ Митакэ). Однако особой популярностью гора Митакэ стала пользоваться в эпоху Эдо, то есть в первой половине XVII в., когда начала активно культивироваться легенда о посещении этих мест богатырем Ямато-такэру. Справедливости ради надо отметить, что синтоистский храм Мусаси митакэ-дзиндзя, находящийся на ее вершине, герой не основывал, но его пребывание на этой горе оказало заметное влияние на дальнейшее развитие культа Митакэ.

Согласно древнему народному мифологическому сказанию, Ямато-такэру, оказавшись в окрестностях Митакэ, решил поохотиться, но потерял дорогу и долгое время плутал по покрытым непроходимым лесом горам, пока совсем не выбился из сил. Неожиданно перед ним явился белый волк, который не только не набросился на Ямато-такэру, а стал как бы звать его за собой, указывая дорогу. Так белый волк вывел Ямато-такэру из леса и привел к храму. Сочтя, что получил помощь от самого Бога горы, великий богатырь провозгласил волка главным божеством местного храма. Божество назвали Оокути-магами, то есть Истинное Божество Большой пасти, и оно до сих пор почитается в этом храме. При этом использовалось и другое имя – Ооину-сама, что означало «Господин (Божество) Большой собаки». В данном случае, как считает исследователь этого культа Ниикюра Ёсиюки, большая собака понималась как волк [5, с. 312].

Интересно, что в окрестностях горы Митакэ бытовал и другой вариант этого народного мифа. Повествовалось о некоем злом горном духе, который специально заманил Ямато-такэру в лес, желая погубить его. Для этого злой горный дух превратился в белого оленя, который стал убежать от богатыря, завлекая его все глубже и глубже в непроходимую чащу. Когда же силы почти покинули Ямато-такэру, перед ним явился белый волк, который прогнал белого оленя и вывел богатыря из чащи [Там же].

В XVII в. история о Ямато-такэру и белом волке привлекла огромное число паломников на гору Митакэсан. Стали считать, что Божество Большой пасти спасает от пожаров, воровства и всяких болезней. Более того, полагали даже, что этот бог оберегает не только свою гору, но всю равнину Канто, что, естественно, способствовало еще большей его популярности.

Вскоре Божество Большой пасти начали изображать на амулетах и оберегах. Правда, на каком-то этапе рисунки стали больше напоминать собаку, причем не белого, а черного цвета. Эта традиция сохраняется и сегодня. Черная собака-волк считается символом храма Мусаси Митакэ дзиндзя. Ее изображение можно увидеть на votивных табличках *эма*, на которых прихожане пишут свои просьбы к божеству, на деревянных, бумажных и тканевых амулетах с пожеланием здоровья, долголетия, безопасности в пути, а также на оберегах от бедности и краж.

Что же касается местных *комаину*, то хотя сегодня у входа в храм стоят «классические» собакодьвы, за храмом, на его старой территории, сохранилось несколько выдавших виды каменных изваяний – нет сомнений, что это волки или собаки.

Такие же «собаководки» охраняют и небольшой, но очень почитаемый храм Ходосан-дзиндзя в горах Титибу в преф. Сайтама. Этот храм находится на горе с удивительным названием – Хотояма (букв. «Гора, где остановили огонь»). Появление этого названия связано еще с одной историей о Ямато-такэру и волке. На сей раз Ямато-такэру прибыл в эти края и поднялся на гору, желая окинуть взглядом красивые окрестности. И в этот момент неожиданно начался пожар. Огонь бушевал неистово. Спасти из огня было почти невозможно. И тогда на помощь богатырю прибежала «огромная собака», то есть, вероятно, волк. Эта «огромная собака» вывела Ямато-такэру из огня и тут же исчезла. Как считается, это был сам Бог горы, и потому на месте встречи богатыря с собакой (волком) был построен храм Ходосан-дзиндзя, основателем которого считается богатырь Ямато-такэру [2, с. 53].

Из приведенных выше примеров понятно, что, согласно народным представлениям, волк, будучи ипостасью Бога горы, нередко выступал как хозяин и защитник леса, в том числе и от пожаров. В этом же качестве, а именно, защищая от пожара окрестности, каменные *комаину*, напоминающие волков, с давних пор стояли и стоят до сих пор при входе в горный храм Мицуминэ-дзиндзя, который также находится в горах Титибу в преф. Сайтама. Этот храм, как считается, тоже был основан богатырем Ямато-такэру, которого также спас от пожара волк, именуемый в данном случае «горная собака». В окрестностях этого храма бытовали истории и о том, как волки своим воем предупреждали местных жителей о пожаре [3, с. 84].

То есть совершенно ясно, что *комаину* в народном представлении были, прежде всего, защитниками в любом образе – собакодьва, «огромной собаки» или «горной собаки». Притом в зависимости от района бытования и храма они могли выступать в качестве защитников от волков, а могли и сами пониматься как волки, защищающие людей.

Более того, можно говорить об особой связи богов – хранителей ворот, Бога горы, волка и стражей-*комаину*, выявленной во многом благодаря сохранившимся мифологическим и фольклорным текстам. Получается, что все эти столь разные персонажи представляют собой «звенья одной цепи». *Комайну*, понимаемые как «материализация» облика богов – хранителей ворот, вступает в два типа отношений с волками. С одной стороны, защищает от них, как от злых духов, с другой стороны, сливается с ними воедино, выступая в роли сильного божества счастья, чаще всего Бога горы. То есть не столь очевидно выраженная связь «боги – хранители ворот – «собакодьвы»-*комаину* – волки – Бог горы» оказывается чрезвычайно прочной.

Очевидно, что культ *комаину* как бога – хранителя ворот имеет в Японии множество интерпретаций. При этом боги – хранители ворот выполняют две основные функции, характерные для богов синтоистского пантеона, – продуцирующую и охранительную. Важным также является и то, что эти удивительные фантастические животные, являясь «заместителем» или одной из ипостасей богов – хранителей ворот, всегда выступают в роли благожелательного символа – они могут даровать богатство, могут защитить от злых духов, могут спасти от верной гибели. В их образе как бы сконцентрировались народное представление о помощи, которая всегда подоспеет вовремя, и о счастье, которое неминуемо придет. Этим стражам входа/ворот в дом или храм дарована великая способность «впускать» в ворота счастье и «не впускать», отгонять несчастье.

Список источников

1. 稲田浩二. 日本昔話事典, 出版社: 弘文館. 東京, 1977 (Инада Кодзи. Энциклопедия японских народных сказок. Токио: Кобундо, 1977). 1169 с.
2. 日本の神々—神社と聖地. 関東. 谷川 健一 (編集). 出版社: 白水社, 13巻セット, 11巻, 東京, 2000 (Японские синтоистские божества. Храмы и святые места. Район Канто: в 13-ти т. / сост. Таникава Кэндзи. Токио: Хякусуейся, 2000. Т. 11). 580 с.
3. たつきよしみつ. 狛犬かがみ, 出版社: バナナブックス. 東京, 2006 (Такуки Ёсимицу. Отражение комаину. Токио: Бананабуккусу, 2006). 128 с.
4. 戸部 民夫. 「頼れる神様」大事典, 出版社: PHP研究所. 東京, 2007 (Тобэ Тамио. Божества, которым доверяют: большая энциклопедия. Токио: PHP кэнкюдзё, 2007). 264 с.
5. 江戸東京 はやり信仰事典. 新倉 善之 (編集). 出版社: 北辰堂, 東京, 1998 (Словарь наиболее распространенных верований Эдо и Токио / сост. Ниикюра Ёсиюки. Токио: Докусиндо, 1998). 346 с.

MYTH-FOLKLORIC CONCEPTIONS OF THE JAPANESE GODS – GATE KEEPERS

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Doctor in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
sadokova@list.ru

The article analyzes mythological stories and legends associated with the cult of the Japanese gods – gate keepers, who are meant to protect the house or temple from penetration of evil spirits. It is shown that the majority of such stories are associated with the images of stone lion-dog statues *komainu*, who are the material implementation of the gods – gate keepers. The author mentions the tradition observance in the modern forms of worshipping these gods and the functioning of these stories in church and local folklore. The paper emphasizes the diversity of the gods – gate keepers' functions implemented in the *komainu* image, which allows the author to conclude on ancient and stable folkloric and mythological relations of these gods with protective and productive magic typical of the gods of the Japanese Shinto pantheon.

Key words and phrases: folk culture; folk Shinto; folkloric and mythological conceptions; god – gate keeper; lions-dogs *komainu*; wolf cult; mythological hero Yamato Takeru.

УДК 821.512.157-394

Дата поступления рукописи: 05.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.15>

В статье исследуется «малая проза» саамского прозаика Надежды Большаковой в типологическом, культурно-историческом аспектах. На материале книги рассказов «Хлебные горбушки» выявляются специфические черты автобиографического повествования в целом и его этнические особенности в контексте литературных и фольклорных жанровых традиций саамов. В частности, выявляется связь с народными рассказами саамов (муштоллами), в которых описывались события пережитого дня, а также особого рода песнями – личными. Автобиографическая книга Н. Большаковой есть своего рода «явленный способ мироотношения». Через личностную форму повествования автор транслирует основные культурные ценности и установки этноса. Автобиографические рассказы Н. Большаковой эмоциональны, окружающий мир и люди представлены в них через призму восприятия и оценок автора.

Ключевые слова и фразы: Н. Большакова; кольские саамы; саамские рассказы; саамская литература; автобиографические рассказы; фольклор.

Хазанкович Юлия Геннадьевна

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
hazankovich33@mail.ru

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО КНИГИ РАССКАЗОВ
НАДЕЖДЫ БОЛЬШАКОВОЙ «ХЛЕБНЫЕ ГОРБУШКИ»**

Актуальность исследования определена тем, что саамская литература в России изучена слабо, чего нельзя сказать о культуре, прозе и поэзии саамов, проживающих в Швеции, Дании и Финляндии [14; 15]. Саамская